

«ЦИФРОВОЙ ПАНОПТИКУМ» КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Николай Баранов

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: nicbar@mail.ru

Аннотация

Современные технологии расширяют возможности для развития человека: повышается динамика жизни, создаются цифровые платформы в образовательных, научных, а также политических целях, возникают новые возможности для контроля над органами власти, совершенствуются коммуникативные практики. В то же время возникают новые опасности, которым подвержен человек. В докладе, подготовленном к началу работы Давосского экономического форума в 2019 г., акцентируется внимание на технологической неустойчивости и вводится понятие «Цифровой паноптикум», под которым понимаются новые формы социального контроля: распознавание лиц, анализ походки, микрочипирование, цифровое чтение по губам. Благодаря распространению этих технологий мы движемся в мир, в котором все данные о нас собраны, хранятся и подвергаются проверке через алгоритмы искусственного интеллекта. Цифровые технологии обеспечивают невиданный прежде уровень контроля над обществами. В общественно-политической практике появился термин «цифровой тоталитаризм», под которым понимается тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе. Наиболее известная практика цифрового тоталитаризма – это система социального кредита в Китае, которая была введена в действие в 2014 г. Аналоги системы социального кредита применяются и в других странах, например, в США, Германии, Великобритании, Франции. Опасность вторжения государства и общества в частную жизнь человека в условиях цифровизации не уменьшается, а, напротив, возрастает. Всевластие органов безопасности и связанные с этим ограничения прав и свобод человека являются проблемой не только авторитарных обществ, но и демократических государств. В сочетании максимального использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, с пользой для человека и безопасного информационного пространства, которое создается, в решающей степени, усилиями государства, видится эффективное развитие информационного общества в XXI веке.

Ключевые слова: *информационное общество, цифровизация, цифровые права, цифровой паноптикум, цифровой тоталитаризм*

“DIGITAL PANOPTICON” AS AN OBJECTIVE REALITY OF THE GLOBAL WORLD

Nikolai Baranov

Professor of department of the international relations, The North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russia), Professor of department of political institutes and applied political researches, Saint Petersburg State University.

E-mail: nicbar@mail.ru

Abstract

Modern technologies expand opportunities for human development: life dynamics increase, digital platforms are created for educational, scientific, as well as political purposes, new opportunities arise for controlling authorities, and communicative practices are improving. At the same time, there are new dangers to which people are exposed. The report, prepared for the start of the Davos Economic Forum in 2019, focuses on technological instability and introduces the concept of “Digital panopticon”, which refers to new forms of social control - face recognition, gait analysis, microchipping, digital lip reading. Thanks to the spread of these technologies, we are moving into a world in which all data about us is collected, stored and tested through artificial intelligence algorithms. Digital technology provides an unprecedented level of control over societies. In socio-political practice, the term “digital totalitarianism” has appeared, which is understood as total digital control with the help of cameras, gadgets, digital applications, artificial intelligence programs for human behavior and actions to further build its rating in society. The most famous practice of digital totalitarianism is the social credit system in China, which was introduced in 2014. Analogues of the social credit system are also used in other countries, for example, in the USA, Germany, Great Britain, and France. The danger of an invasion of the state and society into the private life of a person in the context of digitalization does not decrease, but rather increases. The omnipotence of security agencies and the related restrictions on human rights and freedoms is a problem not only of authoritarian societies, but also of democratic states. Combining the maximum use of the opportunities provided by digital technologies with the benefits for humans and the secure information space, which is created, to a decisive extent, by the efforts of the state, we see the effective development of the information society in the 21st century.

Keywords: *Church-state relations, secularism, church, Russian orthodox church, politicization of religion, religious values*

Введение

Мир настолько быстро изменяется, что человечество, зачастую, вынуждено просто запоздало рефлексировать по поводу происходящих перемен, не вникая глубоко в суть происходящего. Технологические инновации, по мнению

основателя и президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, «находятся на грани активизации эпохального глобального изменения, и это совершенно неизбежно»¹. Темпы развития инноваций оказываются беспрецедентно быстрыми, однако игнорировать высокую динамику изменений без негативных последствий невозможно. Как утверждает петербургский нейролингвист Татьяна Черниговская, «цифровая реальность уже признак отбора в социум. Если представить себе некую страну, которая не может себе позволить войти в цифровой мир, можно считать, что ее вообще нет»². Действительно, соответствие современным инновационным требованиям — это веление времени, а не просто модное увлечение технологиями.

Современные технологии расширяют возможности для развития человека: повышается динамика жизни, создаются цифровые платформы в образовательных, научных, а также политических целях, возникают новые возможности для контроля за органами власти, совершенствуются коммуникативные практики. В то же время возникают новые опасности, которым подвержен человек. Как справедливо отмечает А.А. Косоруков, «цифровые миры правительства и граждан все еще остаются обособленными друг от друга: государство может отставать от актуальных тенденций в сфере развития цифровых технологий, а общество может недооценивать вызовы и угрозы цифровому суверенитету государства»³.

Сближению человека и государства может способствовать четвертая промышленная революция, о которой пишет К. Шваб, обосновывая ее наступление тремя факторами: 1) темпами развития, которые характеризуются экспоненциальным ростом; 2) шириной и глубиной, основанной на цифровой революции и сочетающей разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности; 3) системном воздействии, предусматривающем целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом⁴.

Высокую актуальность приобретает адаптация новейших информационно-коммуникационных технологий к потребностям человека, общества, государства. Причем возможности инноваций могут быть использованы как в интересах

¹ Шваб К. *Четвертая промышленная революция*: пер. с англ. М.: Эксмо, 2019, с. 19.

² «В мире рухнуло сразу всё». Татьяна Черниговская о цивилизации праздности и недоверии к информации. URL: https://fit4brain.com/11040?fbclid=IwAR3Y7Sev_2IHSYMmjZDQKC6IyAFYvjDBr6p0N0QUb6aoDcD31ys8Nh-JuGk (дата обращения: 09.06.2020).

³ Косоруков А.А. *Модель цифрового управления: открытые и большие данные*, Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019, с. 142-143.

⁴ Шваб К. *Указ. соч.*, с. 11.

индивида, так и в интересах государства, которые далеко не всегда идентичны. Если у человека технологические новшества расширяют возможности для развития, совершенствования, реализации своих планов в экономической, социальной или гуманитарной сферах, то для государства появляются новые возможности по контролю над обществом, отдельными гражданами, за несанкционированным доступом в приватную сферу. Поиск оптимальных взаимоотношений между государством и гражданами в инновационной среде — важнейшая задача, стоящая перед социальными науками, в том числе перед политологией.

1. Плюсы и минусы современных технологий

Первой технологией, которая проникла в жизнь граждан быстрее, чем в государственные структуры, оказалась сеть Интернет. Общественная активность стала сопровождать различные технологические новшества, например движение за открытые данные, возникшее в середине 2000-х гг., в рамках которого были выработаны соответствующие принципы, лежащие в основе модели цифрового управления: доступность, полнота, первичный характер, высокая оперативность, машиночитаемый формат, недискриминационный характер, незапатентованный формат, а также распространение данных на основе лицензии⁵. Такие движения стимулируют властные структуры к созданию атмосферы информационной открытости и прозрачности принимаемых решений, и способствуют демократизации политического процесса.

В 2014 году в Эстонии была запущена система электронного гражданства, которая поддерживает соединение между правительством и распределенным хранением данных на многочисленных серверах. На сайте «E-Estonia» констатируется, что в Эстонии создано «самое передовое цифровое общество в мире»⁶ с эффективной, безопасной и прозрачной экосистемой, помогающей гражданам и государству решать возникающие проблемы.

Роль граждан в производстве государственных услуг возрастает: они теперь рассматриваются не только как получатели, но и сопроизводители этих благ, что подразумевает более высокую ответственность в сфере производства и оказания государственных услуг. Резко возросло число мобильных приложений, позволяющих гражданам удовлетворять свои потребности в системе здравоохранения, образования, предоставления социальных услуг.

Составной частью цифрового управления и взаимодействия стала технология «больших данных», которые определяются как «наборы данных, размер которых превышает возможности стандартных программных средств

⁵ Open Government Data Principles. URL: https://public.resource.org/8_principles.html (дата обращения: 27.04.2020).

⁶ E-Estonia. URL: <https://e-estonia.com> (дата обращения: 27.04.2020).

по их сбору, хранению, управлению и анализу»⁷.

Технология «больших данных», ставшая возможной благодаря появлению новых технических и программных элементов распределенных систем обработки данных, широко используется правительственными органами, экспертными сообществами и мозговыми центрами, образовательными структурами, гражданским обществом, бизнесом. Однако они несут в себе опасность злоупотребления возможностями по контролю за гражданами, вмешательства в частную жизнь, использования персональных данных в преступных целях. Так, широкую известность получила история с частной английской компанией Cambridge Analytica, которая использовала технологию глубинного анализа данных для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете на выборах в США (использовались данные социальных сетей), а также при проведении референдума о выходе Великобритании из Евросоюза.

В мире широко распространено недоверие к информации, причем не только частной, но и официальной, в том числе исходящей из независимых источников. Эпоха «постправды» и Fake News настолько дискредитировало информационное поле, что люди начинают верить лишь в то, что подтверждает их позицию и не расходится с их точкой зрения. Подстраивание под мнение людей стало трендом в новостной повестке дня, даже касающейся нейтральных новостей. А люди, не научившиеся свободно ориентироваться в этом потоке информации, предпочитают либо ничему не верить, либо доверять своим смысловым приоритетам. «Мы должны сформировать способность жить в цифровом мире и не потерять человечность»,⁸ —небезосновательно полагает Т. Черниговская.

Можно констатировать, что с одной стороны, «современные технологии, выстроенные в «цифре», позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на их инициативы, на их обращения, реагировать соответствующим образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни»⁹. С другой стороны, возникает этический аспект использования больших данных. Государство и крупные корпорации получают доступ к персональным данным, делая это без явного согласия граждан или в обход законов. Более того, применяемые

⁷ Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity. McKinsey Global Institute, June 2011. Report, p. 1. https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Big%20data%20The%20next%20frontier%20for%20innovation/MGI_big_data_full_report.ashx (дата обращения: 27.04.2020).

⁸ «В мире рухнуло сразу всё». Татьяна Черниговская о цивилизации праздности и недоверии к информации. URL: https://fit4brain.com/11040?fbclid=IwAR3Y7Sev_2IHSYmJZDQKC6IyAFYvjDBr6p0N0Qub6aoDcD31ys8Nh-JuGk (дата обращения: 09.06.2020).

⁹ Заседание Совета по развитию местного самоуправления, 30 января 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения: 28.04.2020).

технологии анализа больших данных в сфере безопасности могут допускать ошибки, например в процессе идентификации преступников или террористов, что приводит к дополнительным проверкам простых граждан или применению насилия к ним со стороны правоохранительных органов¹⁰.

Угрозы, исходящие из киберпространства, затрагивают интересы бизнеса и каждого отдельного человека, использующего современные технологии. В России, как и во многих странах мира, новые технологии часто воспринимаются через призму порождаемых ими новых угроз и вызовов, а не создаваемых ими новых возможностей. Однако только от людей зависит, с какими целями будут применяться информационные технологии – во благо или во зло. Как справедливо отмечает Г.Л. Акопов, «в России сформировались своеобразные сетевые общественно-политические дискурсы, предопределяющие новые конфигурации обратной связи институтов гражданского общества с политической элитой страны. Интернет-коммуникации обеспечивают реальный режим диалога народа и власти и могут преодолеть отчуждение их друг от друга, способствуют восстановлению утраченного ими доверия друг к другу, вводя радикально другой паттерн равного – горизонтального и интерактивного – отношения между ними»¹¹.

2. Проблематика безопасности в контексте развития инновационных технологий

Экспансия проблематики безопасности предполагает повышенный интерес экспертного сообщества к вопросам ограничения прав и свобод человека, демократических институтов и процедур. Цифровизация наряду с возможностями для расширения демократических практик несет с собой опасность уязвимости программного и аппаратного обеспечения, увеличение конфликтного потенциала киберпространства, невозможность надлежащим образом обеспечить защиту цифровых прав и цифрового суверенитета государства и граждан. В ряде стран активно действуют движения в защиту «цифровых прав», а доступ к сети Интернет признан одним из базовых прав человека и закреплен в международном праве. Так, Генеральная Ассамблея ООН «признает глобальный и открытый характер Интернета и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в качестве одной из движущих сил ускорения прогресса на пути развития в его различных формах»¹². Вместе с тем этим же документом подтверждается право на неприкосновенность личной жизни.

¹⁰ Косоруков А.А. *Указ. соч.*, с. 153.

¹¹ Акопов Г.Л. *Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография*. М.: КНОРУС, 2013, с.132.

¹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/68/167> (дата обращения: 28.04.2020).

Опасность вторжения государства и общества в частную жизнь человека в условиях цифровизации не уменьшается, а, напротив, возрастает. Всевластие органов безопасности и связанные с этим ограничения прав и свобод человека, как это убедительно показал опыт профессиональной деятельности американского программиста Эдварда Сноудена, является проблемой не только авторитарных, но и демократических государств. Убедительная гражданская экспертиза, свидетельствующая об опасности для общества тотального контроля со стороны государственных структур, может стать действенным механизмом на пути расширения секьюритизации в политической практике. Поэтому современные формы демократии, апеллирующие к мнению народа, – делиберативная, согласительная, мониторинговая, – характерные, прежде всего, для западной культуры, представляются перспективными в вопросах ограничения запретительных мер в ответ на возможные угрозы, которые в том числе связаны с информационной сферой.

Генеральный секретарь ООН Антонио Гуттериш, выступая в начале 2020 года с обращением к Генеральной Ассамблее, выделил четыре угрозы, нависшие над человечеством: геополитическая напряженность, климатический кризис, глобальное недоверие и «темная сторона цифрового мира», которая заключается в том, что, несмотря на огромные преимущества, новые технологии используются для совершения преступлений, разжигания ненависти, поддельной информации, угнетения и эксплуатации людей и вторжения в частную жизнь»¹³.

Выступая в Давосе на Всемирном экономическом форуме в январе 2020 г., израильский футуролог Юваль Ной Харари назвал три главные угрозы человечеству в XXI веке: ядерная война, экологический кризис и разрушительная сила технологий, особенно выделив последнюю проблему, как еще неизведанную. Технологии, по его мнению, несут массу рисков, среди которых он считает важнейшими появление большого количества «бесполезных» людей ввиду уничтожения многих специальностей; неравенство между странами, связанное с доступом к технологии искусственного интеллекта; цифровую диктатуру, осуществляющую контроль за гражданами; переход власти от людей к алгоритмам, вырабатываемым технологическими гигантами (Facebook, Google, Netflix, Amazon, Alibaba); уничтожение человечности, под которым подразумеваются технологии, разрушающие не только экономику, политику и жизненную философию, но и наше биологическое устройство¹⁴. Об этой же проблеме пишет Ф. Лукьянов – об утрате «контроля над информационными

¹³ Guterres Antonio. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁴ Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке. URL: <https://www.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08> (дата обращения: 28.04.2020).

технологическими гигантами, которые способны вмешиваться в жизнь людей и диктовать им, как себя вести»¹⁵.

В Докладе, подготовленном к началу работы Давосского экономического форума в 2019 г., акцентируется внимание на технологической неустойчивости (technological instabilities) и вводится понятие «Цифровой паноптикум» («Digital Panopticon»), под которым понимаются новые формы социального контроля: «Распознавание лиц, анализ походки, цифровые приложения, аффективные вычисления, микрочипирование, цифровое чтение по губам, датчики, считывающие отпечатки пальцев – благодаря распространению этих технологий, мы движемся в мир, в котором все данные о нас собраны, хранятся и подвергаются проверке через алгоритмы искусственного интеллекта»¹⁶. Искусственный интеллект (ИИ) уже рассматривается в качестве новой реальности электронного правосудия¹⁷, что может привести в дальнейшем к цифровой диктатуре ИИ.

Отечественные политологи тоже анализируют проблемы, связанные с цифровизацией. Так, Д. Тренин пишет о новейшем инструменте, который освоили современные государства - цифровых технологиях, обеспечивающих невиданный прежде уровень контроля над обществами. По его мнению, «противоположение демократии и авторитаризма все больше уходит на второй план, заменяется различиями в качестве и эффективности управления. Права граждан балансируются их обязанностями, выполнение которых обеспечивается системой всеохватного контроля. Наиболее успешные страны — те, где выше уровень общественной солидарности и взаимной ответственности правящих элит и обществ»¹⁸.

Опасности, на которые акцентируют внимание ученые, эксперты и политики, уже реализуются в нашей жизни. В общественно-политической практике появился термин «цифровой тоталитаризм», под которым понимается тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе.

¹⁵ Свобода — это рабство. Федор Лукьянов — об итогах всемирного экономического форума в Давосе, Коммерсантъ, 24.01.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4228069> (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁶ The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2019, p. 70. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁷ Numa A. *Artificial intelligence as the new reality of e-justice*. URL: <https://e-estonia.com/artificial-intelligence-as-the-new-reality-of-e-justice/> (дата обращения: 27.04.2020).

¹⁸ Тренин Д. *Вирус и миропорядок*, Коммерсантъ, 2020, 29 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4307968?utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 27.04.2020).

Наиболее известная практика цифрового тоталитаризма — это система социального кредита в Китае, которая была введена в действие Госсоветом КНР в 2014 г. Под «социальным кредитом» понимается «система оценки отдельных лиц или категорий граждан, а также юридических лиц и организаций по установленным государственным органом нормам и правилам, которые формируют определённые параметры, собираемые через инструменты массового наблюдения и технологии «больших данных»¹⁹.

Проект полномасштабно заработал в 2014 году после публикации «Программы создания системы социального кредита (2014–2020)», согласно которой к 2020 г. все компании и каждый житель материкового Китая будут отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Главная задача Программы: «оправдаввшие доверие пользуются всеми благами, а утратившие доверие не смогут сделать ни шагу»²⁰. Китайская система социального кредита (SCS — Social Credit Score) — это социальная концепция, в основе которой лежит разграничение в отношении возможности получения спектра социальных и экономических услуг в зависимости от специального «рейтинга» гражданина. Рейтинг определяется баллами, которые могут как начисляться, так и вычитаться в зависимости от поступков гражданина, его социального статуса, круга общения и различных других факторов. О китайской SCS в российской научной периодике имеется немало публикаций²¹, что свидетельствует об интересе со стороны научного сообщества новых цифровых практик, распространённых в мире.

Аналоги системы социального кредита применяются и в других странах, например, в США, Германии, Великобритании, Франции. В США данная система присваивает каждому резиденту индивидуальный номер социальной защиты (SSN — Social Security Number), с которым соотносятся личные данные, а также некоторые другие сведения, в том числе о платёжеспособности гражданина.

¹⁹ Разумов Е.А. *Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике*, Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2019, т. 24, № 3, с. 88.

²⁰ Уведомление Госсовета КНР о Программе создания системы социального кредита (2014—2020 гг.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 28.04.2020).

²¹ Ларина Е., Овчинский В. *Китайская система социального кредита: традиции и технологии*. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii/; Авсеенко И. *Социальный кредит формирует неравенство равных*, Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/sotsialnyy-kredit-sformiruet-neravenstvo-ravnykh/>; Галиуллина С.Д., Бреслер М.Г., Сулейманов А.Р., Рабогошвили А.А., Байрамулова Н.Н. *Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего*, Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика, 2018, № 4 (26), с. 114-121.

Европейская система сбора и обработки личной информации ориентирована на формирование кредитного рейтинга гражданина или организации. Обычно регулятором данного рейтинга служит связка экономического блока правительства с Европейским центральным банком. Исключением является Германия, где сбором и обработкой кредитной информации занимаются частные агентства.

3. Политико-культурный аспект цифровизации

Цифровизация общества может быть представлена как культурная адаптация к ключевым технологическим достижениям, реализуемым через цифровизацию государственного аппарата, его управленческой деятельности, выстраиванию взаимосвязи с гражданами, получение от них необходимого импульса для эволюции форм и способов государственного управления. Использование новых возможностей, предоставляемых цифровизацией, является одной из важнейших задач развития современных государств, в том числе России.

Вектор развития для страны является определяющей категорией для ее характеристики в качестве современной или архаичной. В России в последние годы многое делается для того, чтобы в стране были созданы условия для инновационного развития. В декабре 2018 г. утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», включающая в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». 10 октября 2019 г. утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года²², в которой определены меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития.

Однако внутренняя потребность общества в модернизации и демонстративные действия властных структур в том же направлении расходятся с политическими процессами, которые являются определяющими при создании пространства для внедрения инноваций во все сферы жизни. В данном контексте актуальными становятся политико-культурные особенности российского общества и сложившиеся политические практики, которые некоторыми российскими исследователями квалифицируются как архаичные.

²² Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AH4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvdl1HCCsv.pdf> (дата обращения: 28.04.2020).

Так, характеризуя модернизационные преобразования в современной России, В. С. Мартьянов пишет о том, что «попытки органической модернизации социума снизу наталкиваются на контртенденцию архаизации властного аппарата государства»²³. В. Л. Иноземцев называет Россию «несовременной страной», движущейся не в том направлении, которое избрали успешные страны, а в противоположном – «по полосе встречного движения»²⁴. Но в то же время, он отмечает, что «Россия и сейчас остается внутренне свободным и индивидуализированным обществом, будучи в этом отношении исключительно похожей на западные социумы; проблема заключается в той политической системе, которая вряд ли могла не сложиться в стране, имеющей такую сложную историю и пережившую такие потрясения, которые выпали на ее долю»²⁵. Нужно отметить, что люди ценят индивидуальную свободу, а не политическую, которой в истории России никогда не было.

К их мнению присоединяется А. В. Глухова, которая пишет: «Полное отсутствие “образа будущего”, превратившегося в проект вечной консервации “настоящего” и реставрации “прошлого”, обрекает власть лишь на два плохих сценария развития событий: либо к полноценному жесткому авторитаризму и репрессиям, либо к медленному саморазрушению под натиском социальных потрясений и обостренного запроса на перемены»²⁶.

Основания для столь пессимистичного восприятия современной российской реальности лежат, с точки зрения И. Б. Фан, в бессознательном слое ментальности – понимании гражданина как любого жителя, принадлежащего государству, которое мотивирует стереотипное поведение людей. Эти духовные стереотипы, лежащие в основе русской культуры, формируют индивида, для которого реализация конституционных прав не является приоритетом²⁷.

Причиной столь индифферентного отношения к политической сфере кроется в действиях самой власти, которая на протяжении длительного времени подавляла любые формы самоорганизации и самоуправления, возникавшие в обществе. И в XXI веке Россия вновь столкнулась с прежними властными интенциями: построением вертикали власти, недоверием гражданским

²³ Мартьянов В.С. *Антимодерный консенсус и перспективы перезапуска российского модерна*, Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016, с. 184.

²⁴ Иноземцев В. *Несовременная страна: Россия в мире XXI века*. М.: Альпина Паблицер, 2018, с. 24.

²⁵ Иноземцев В.Л. *Указ. соч.*, с. 113.

²⁶ Глухова А.В. *Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции*, Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019, с. 74-75.

²⁷ Фан И.Б. *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018, с. 64-65.

структурам, заменой выборов на различные симулякры, имитацией многопартийности. Возникают новые технологии информационного управления массовым сознанием, воспроизводящие укорененные стереотипы. Официальный дискурс, многократно повторенный через средства массовой информации, превращается в стереотипное мышление людей и становится их повседневной практикой, а средства коммуникации предлагают легитимизацию социальных процессов, используя как традиционные, так и новейшие способы манипуляции сознанием²⁸.

В качестве приоритета в массовое сознание привносится мысль о необходимости поддержания в обществе порядка и стабильности, как необходимого условия эффективного развития России. Происходит замена потребности политического участия, направленного на формирование подотчетной и подконтрольной власти, на лояльность существующему порядку и государственный патриотизм. Существующие в ментальности некоторых россиян либеральные ценности и установки трансформируются под воздействием устойчивых традиционных идеологических установок, активно распространяемых официальными средствами массовой коммуникации. И. Б. Фан в качестве таковых отмечает традиционализм, характеризующий патриархальным образом государственной власти, с его этатистской и эгалитаристской установками и уравнилельной психологией, который соседствует с консерватизмом государственно-социалистического типа с ориентацией на коллективистские ценности, государственный патернализм, культ персонифицированного государства, с готовностью обменять экономическую и иную свободу на порядок и материальные блага, устанавливаемые и распределяемые централизованной вершиной иерархической вертикали²⁹.

В результате возникает конфликт между потребностью в социально-политическом обновлении в цифровую эпоху и традиционными ментальными образами власти и политического порядка, сформированными с применением новых информационных технологий. Эволюция потребностей будет зависеть в значительной мере от степени убедительности власти и вероятной трансформацией политического поведения граждан, основанной на проникновении цифровых технологий в экономическую, социально-политическую и частную жизнь.

Следует отметить, что в условиях высокой активности государства в информационном пространстве перемены в стране происходят и они связаны с социокультурным восприятием реальности основной массы населения страны. Хотя политическая социализация молодежи, осуществляемая государством

²⁸ Бахтуридзе З.З. *Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества*, Научно-информационный журнал «Армия и общество», 2013, № 5 (37), с. 26.

²⁹ Фан И.Б. *Указ. соч.*, с. 211.

и направленная на патриотическое воспитание молодого поколения в русле великодержавного понимания патриотизма, частично приносит свои плоды, но молодежь все меньше ориентируется на традиционные ценности и поддерживает те, которые адекватно отвечают потребностям эффективного развития человека. Политическая власть вынуждена прислушиваться к этому мнению и вносить коррективы в культурно-ценностные ориентиры.

Заключение

Технологические переломные моменты в современном глобальном мире, называемые К. Швабом глубинными изменениями, оказывают противоречивое социальное воздействие, сопровождаемое как положительными, так и отрицательными эффектами. Среди негативных сторон кардинальных перемен отмечаются такие, как нарушение частной жизни, возможности наблюдения за человеком, обеспокоенность сохранностью личной информации, увеличение числа манипуляций, нарушение конфиденциальности и даже экзистенциальная угроза человечеству³⁰. Больше половины глубинных изменений подвержены негативным эффектам, связанным с возможным вторжением в частную жизнь человека со стороны как государственных, так и корпоративных структур.

В политико-культурный контекст современных стран впадают потребности общества в создании безопасной цифровой среды, в которой заинтересованы и граждане, и государство. Поиск баланса между полномочиями специализированных органов по обеспечению безопасности личности, общества и государства и недопустимостью их вторжения в частную сферу является актуальным для современных государств независимо от культурных традиций. Именно в сочетании максимального использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, с пользой для человека и безопасного информационного пространства, которое создается, в решающей степени, усилиями государства, видится эффективное развитие информационного общества в XXI веке.

Таким образом, у современного человека возникает дихотомия выбора между безопасностью и свободой, причем каждая из этих составляющих является одинаково важной для человека. Приоритет же будет определяться гражданами, исходя из их представлений о предполагаемом желаемом завтра, наложенном на политико-культурные особенности восприятия существующих проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity. McKinsey Global Institute. June 2011. Report. URL: <https://www.mckinsey.com>.

³⁰ Шваб К. *Указ. соч.*, с.141-190.

- com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation (дата обращения: 27.04.2020).
2. E-Estonia. URL: <https://e-estonia.com> (дата обращения: 27.04.2020).
 3. The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2019. 107 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
 4. Guterres Antonio. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 28.04.2020).
 5. Numa A. *Artificial intelligence as the new reality of e-justice*. URL: <https://e-estonia.com/artificial-intelligence-as-the-new-reality-of-e-justice/> (дата обращения: 27.04.2020).
 6. Open Government Data Principles. URL: https://public.resource.org/8_principles.html (дата обращения: 27.04.2020).
 7. The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2019, 107 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
 8. Авсеенко И. *Социальный кредит сформирует неравенство равных*, Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/sotsialnyy-kredit-sformiruet-neravenstvo-ravnykh/> (дата обращения: 28.04.2020).
 9. Акопов Г.Л. *Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография*. М.: КНОРУС, 2013. 240 с.
 10. Бахтуридзе З.З. *Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества*, Научно-информационный журнал «Армия и общество», 2013, № 5 (37), с. 23-29.
 11. «В мире рухнуло сразу всё». Татьяна Черниговская о цивилизации праздности и недоверии к информации. URL: https://fit4brain.com/11040?fbclid=IwAR3Y7Sev_2IHSYmjmjZDQKC6IyAFYvjDBr6p0N0QUb6aoDcD31ys8Nh-JuGk (дата обращения: 09.06.2020).
 12. Галиуллина С. Д., Бреслер М. Г., Сулейманов А. Р., Рабогошвили А. А., Байрамгулова Н. Н. *Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего*, Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика, 2018, № 4 (26), с. 114-121.
 13. Глухова А.В. *Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции*, Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019, с. 56-75.
 14. Заседание Совета по развитию местного самоуправления. 30 января

- 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения: 28.04.2020).
15. Иноземцев В. *Несовременная страна: Россия в мире XXI века*. М.: Альпина Паблишер, 2018, 406 с.
 16. Косоруков А. А. *Модель цифрового управления: открытые и большие данные*, Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019, с. 142-159.
 17. Ларина Е., Овчинский В. *Китайская система социального кредита: традиции и технологии*. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotsial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii (дата обращения: 28.04.2020).
 18. Мартьянов В. С. *Антимодерный консенсус и перспективы перезапуска российского модерна*, Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016, с. 176-187.
 19. Разумов Е. А. *Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике*, Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2019, т. 24, № 3, с. 86-97.
 20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/68/167> (дата обращения: 28.04.2020).
 21. Свобода — это рабство. Федор Лукьянов — об итогах всемирного экономического форума в Давосе, Коммерсантъ, 24.01.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4228069> (дата обращения: 03.02.2020).
 - 22.
 23. Тренин Д. *Вирус и миропорядок*, Коммерсантъ, 2020, 29 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4307968?utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 27.04.2020).
 24. Уведомление Госсовета КНР о Программе создания системы социального кредита (2014—2020 гг.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 28.04.2020).
 25. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
 26. Фан И.Б. *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018, 332 с.
 27. Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке. URL: <https://www.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08> (дата обращения: 28.04.2020).

28. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*: пер. с англ. М.: Эксмо, 2019, 209 с.